

Перевод: Simlirr

Редактор: Naidес

На самом деле он хотел остаться в стороне и посмотреть, как все эти люди умрут. Однако, тщательно всё обдумав, взвесив все преимущества и недостатки, он всё-таки сумел обуздать свой гнев и согласился спасти их. Вот почему сейчас он ощущал несправедливость. Он злился даже на богов, те всегда относились к нему несправедливо и заставляли его делать то, чего он делать совершенно не желал.

Он не стал возвращаться обратно и переодеваться. Он просто хотел поговорить с кем-нибудь, поделиться своими обидами.

На самом деле Минлань уже несколько дней раздумывала над этой проблемой. Четвёртая и пятая семьи относились к Гу Тинье так плохо по трём причинам. Во-первых, они презирали его за то что он был сыном женщины из семьи торговцев солью и считали, что мать Гу Тинье опозорила их семью. Во-вторых, до тех пор пока Гу Тинье, не упускавший ни единой возможности задеть их, оставался в семье, они не смогли бы со спокойной душой тратить деньги, полученные от семьи Бай. В-третьих, им нужно было выставить кого-то козлом отпущения, чтобы спасти собственных бездарных сыновей перед лицом пожилого господина Гу. И Гу Тинье прекрасно подходил на эту роль.

Из-за этих причин со временем они начали всё больше и больше ненавидеть и презирать Гу Тинье.

Однако, несмотря на то, что они полностью заслуживали его гнева, Гу Тинье никогда особо не конфликтовал с ними. Его главным врагом была и оставалась первая семья.

— Моя четвёртая сестра, ты знаешь о ней, верно? — неожиданно произнесла Минлань после довольно длительного молчания. — Та, что вышла в семью бо Юнчана.

Гу Тинье не ожидал услышать этот вопрос и, слегка замешкавшись, кивнул.

— Я никогда с ней не ладила, с самого детства, — медленно произнесла Минлань, прикоснувшись к его руке. Его кожа была на удивление холодной. — Она недолюбливала меня, потому что считала, что я украла у неё расположение бабушки, похвалу учителя и заботу отца. Да и мне самой она тоже не слишком-то нравилась. Она довольно порочный человек.

Гу Тинье не знал, почему Минлань вдруг подняла эту тему. Но всё равно внимательно слушал её.

— Однажды я сшила моему отцу пару туфель в качестве подарка на день рождения. Это заняло у меня две недели. Тогда она взяла их, якобы, чтобы лучше рассмотреть вышивку, после чего намеренно испортила их. Из-за этого мне пришлось не спать несколько ночей, чтобы успеть сшить новую пару, — Минлань рассказывала эту историю спокойно, опустив голову и аккуратно поглаживая Гу Тинье по руке. — С самого детства она множество раз устраивала мне ловушки, она выставляла меня в дурном свете перед отцом и пыталась рассорить меня с Ван Ши. Мне всегда приходилось прилагать множество усилий, чтобы выкрутиться из подобных ситуаций...

При этом Минлань никогда не перекладывала проблемы на отца или братьев и всегда старалась защититься от интриг Молань самостоятельно.

— Почему же ты не дала ей отпор? — понуро спросил Гу Тинье, взяв её за руку.

Прикоснувшись к её тёплой мягкой коже, он ощутил как его сердце сжимается. Её мать умерла очень рано, несмотря на то что за ней присматривала бабушка, за неё некому было заступиться, особенно когда дело касалось её отца. Её законная мать и сестра были вредными людьми со скверным темпераментом, а наложница её отца и другая сестра обожали плести интриги. Он и представить не мог, как ей жилось все эти годы.

— Поначалу я попросту не могла дать ей отпор. Я понятия не имела, как сделать это правильно, — задумчиво улыбнувшись, ответила Минлань. — Конечно, когда я подросла, я сама научилась парочке трюков и несколько раз применяла их против неё. Однако по большей части она легко побеждала меня.

— Вот глупая девчонка, — ухмыльнулся Гу Тинье, слегка щёлкнув её по носу. В его представлении подобные ссоры между маленькими девочками не представляли из себя совершенно ничего серьёзного.

— Однажды она чуть не порезала моё лицо осколками фарфора. Тогда я по-настоящему разозлилась и решила для себя, что обязательно подловлю её в тот момент, когда она будет по-настоящему уязвима, — ответила Минлань, заговорчески улыбнувшись.

Услышав это, Гу Тинье переменялся в лице. Но до того как он успел как-либо прокомментировать это, Минлань добавила, вновь сменив тон на безразличный.

— Но сейчас я не хотела бы устраивать ничего подобного, — она немного помолчала. — Пока я живу лучше неё, она и так будет злиться каждый раз, когда будет видеть меня. Я знаю, что она даже спать по ночам не сможет, если увидит меня счастливой.

Заставлять Молань смотреть на безбедную жизнь Минлань и счастье Жулань было даже более жестоко, чем убить её. Минлань понимала это, поскольку она прекрасно знала Молань. Зависть и сожаление наверняка терзали её сердце каждую ночь, не давая ей заснуть.

Гу Тинье слегка прищурился. Он был достаточно умен, чтобы понять, что Минлань имела в виду.

Пожилой господин Гу принял под свою опеку четвертую и пятую семьи, поскольку те всё равно понятия не имели, как им справиться с навалившимся на них кризисом. Более того, их отпрыски поголовно были бездарями. А Гу Тинвей, например, будучи законным сыном первой семьи, учился очень долго и всё равно был Линьшеном, учёным, существующим лишь за счёт правительственных грантов.

Учитывая карьеру Гу Тинье, было понятно, что в будущем пропасть между ним и остальными членами семьи Гу будет только увеличиваться.

— Не злись и не переживай об этом, в будущем мы, определённо, будем жить лучше них, — мягко, но уверенно произнесла Минлань, серьёзно глядя на Гу Тинье. — Когда они увидят, насколько замечательно мы живём, это поможет тебе выпустить весь твой гнев.

— Ты правда думаешь, что я поступил правильно? — тихо спросил Гу Тинье. Он выглядел сбитым с толку, и смотрел на Минлань полными сомнений глазами, словно ожидая её одобрения. — Я не расквитался за мою покойную матушку, поскольку преследовал собственные интересы...

— Ты всё сделал правильно. Да и потом, со временем справедливость восторжествует в любом случае, — ответила Минлань, уверенно кивнув. — А что касается твоей матери... Ты можешь попросить Его Величество посмертно пожаловать ей титул и построить ей храм. Ты можешь пригласить уважаемых старейшин твоей семьи и заставить их переписать семейное древо, чтобы все потомки семьи Гу знали, что Бай Ши сделала для их семьи. Окончательное решение во всех вопросах, касающихся семьи Гу, отныне будет за тобой.

Историю всегда писали победители. Из-за этого было утрачено тысячи историй проигравших.

Отныне Гу Тинье мог петь хвалебные оды о Бай Ши столько, сколько ему хотелось. Поскольку те ублюдки в любом случае будут просить Гу Тинье о множестве других вещей, и за это он легко мог заставить их упасть ниц перед могилой Бай Ши и в один голос признаться во всём, что они ей сделали.

— Ты во всём права, — ответил Гу Тинье. Пока он раздумывал над сказанным, смущённо-озадаченное выражение постепенно исчезало с его лица. Наконец, он уверенно улыбнулся. — Я сделаю то, что должен. Я не буду отступать от своего пути ради тех, кто не заслуживает моего внимания.

Минлань поняла, что ему удалось преодолеть это, и радостно захлопала в ладоши, чтобы показать, как счастлива она была услышать его мудрое решение.

Тем временем он смотрел на неё своими прекрасными, словно звёзды глазами, приподняв свои

очаровательные брови и аккуратно касаясь её мягкой щеки.

Осознав это, Минлань тут же покраснела и отвернулась к окну.

Однако сейчас он не почувствовал в ней её обычного смущения и, улыбнувшись, тихо заметил:

— Ты такая замечательная.

Минлань покраснела ещё сильнее.

Едва заметив взмах его длинных рукавов, Минлань неожиданно оказалась в его объятиях, не успев отреагировать. Она почувствовала его знакомый запах, смешанный с лёгким древесным ароматом. Тёмно-золотые шёлковые нити, которыми были расшиты его рукава, были похожи на ветви, увитые лозами.

Он произнёс голосом тяжёлым, словно раскаты барабана Цзе:

— Я отдам всё, что имею, и сделаю всё, что в силах сделать, чтобы устроить всё, как в этом поместье, так и за его пределами, в угоду твоим желаниям.

Минлань ничего не видела, большие рукава его одежды закрывали ей весь обзор. Но, пускай она и пообещала себе никогда не верить сладким речам мужчин, её сердце всё равно забилось чуточку быстрее.

После того как он переоделся и ушёл, Минлань улеглась на кровать и невидящим взглядом уставилась на узоры в виде кафрской лилии на окнах. Он был умён и внимателен, и у него, определённо, был большой опыт. Если он по-настоящему хотел, он мог разобраться в чём угодно. Не было дела, с которым он не сумел бы справиться, однако, не важно, насколько ясно он умел видеть суть вещей, частенько его собственные обиды полностью застилали ему глаза. Ему нужно было научиться как-то справляться с этим.

В конце концов, несмотря на свои недостатки, Гу Тинье был способным парнем.

Раздумывая об этом, она вытащила из рукава письмо, которое этим утром выпало из его одежды.

«...вина за необученного сына лежит на его отце... Он искренний и прямолинейный мальчик, это моя вина, что в последнее время он стал столь непослушным... Я не знаю, где он сейчас, я очень сильно по нему скучаю... Братец, прошу, позаботься о нём. Защити его от опасностей и от лишений... Я благодарен тебе за твою помощь, я в долгу перед тобой...»

Бумага была жёлтой и помятой, будто кто-то смял письмо и затем снова разгладил его. На нём

виднелось несколько пятен от воды из-за которых некоторые иероглифы были размытыми.

Минлань неожиданно почувствовала глухую боль в своём сердце.

В действительности он был замечательным человеком.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1648758>